

43. ЗУБР-ГИМН

В 1518 году поэт Николай Гусовский в составе посольства Великого княжества Литовского и Королевства Польского прибыл в Италию. В Европе литвинов и поляков воспринимали как народ северный, нецивилизованный, плодили небылицы об их стране. Одна из сказок — бизон невиданных размеров — дошла до папы римского Льва X.

Могущественный сан не мешал Льву X опекать таланты, собирать картины, чучела экзотических животных. На аудиенции у папы польско-литовский посол Эразм Вителлиус уловил высочайший каприз: чтобы набитая сеном шкура бизона была доставлена в коллекцию Ватикана. Посол отправил виленскому воеводе Радзивиллу прошение добыть шкуру зверя покрупнее, а друга Гусовского попросил предоставить папе описание бизона, на местном наречии — зубра.

Любознательный Лев X в 1521 году умер, не успев увидеть северного зверя и прочесть на латинском языке "Песнь о зубре" Николая Гусовского. Новый папа Адриан VI оказался невеждой, не подпускающим к себе ученых, художников, поэтов. Он был озадачен ересями, а не бизоном и стишками.

В 1522 году поэта постиг еще один удар — в Риме от чумы умер его покровитель посол Вителлиус. Гусовский остался в Италии без средств к существованию. Издать произведение в Италии не удалось.

В 1523 году поэт принял решение возвратиться в родные края. В том же году при помощи высокопоставленных меценатов поэтический сборник Гусовского "Песнь о зубре" вышел в Кракове мизерным тиражом — и канул в Лету на четыре века. По стечению случайностей гений не был востребован современниками ни в Европе, ни на родине.

Просвещенный мир опомнился в 1980 году в связи с 500-летием Николая Гусовского. Его имя ЮНЕСКО включила в славный мировой календарь. Славянского поэта-латиниста считают своим представителем в мировой культуре поляки, литовцы, белорусы. Пусть так и будет. Жили-то в одном многонациональном государстве. Не установлены ни место рождения Гусовского, ни его могила. Он писал, что родом из Гусова. А может, — Усова? Трудно разобраться теперь в фонетике и графике латинского, польского, старобелорусского. Впрочем, местной топонимикой, давшей автору поэтическое имя, богата именно Беларусь. Да и Борисфен (Днепр), упомянутый в "Песне", течет не в Литве (нынешней) и Польше, а в Беларуси...

Не в том суть, чей Николай Гусовский, а в том, кому он сейчас более нужен. Поэта попросили рассказать Европе о зубре, поэт сочинил ГИМН О РОДИНЕ. Однако поэма Гусовского, пришедшая в Беларусь лишь в шестидесятых годах двадцатого века, белорусами не прочитана внимательно и благодарно. Понятие РОДИНА у белорусской массы атрофировалось так, как у куриной массы атрофировалось понятие ПОЛЕТ. Бескрылый народ послушно бредет в очередное "союзное государство".

"Ах, как он слеп, наш народ, как плачевно его положение! Мы — еще толпы," — писал Гусовский, задумавший с помощью зубра активизировать процесс национального самосознания литвинов, то есть белорусов.

Зубр для Гусовского — движущая сила отечественной истории. Исполинский силач, ЗУБРО-БУРЛАК, тащит страну к процветанию, к мировой славе а страна упирается. Я не знаю более наглядного изображения тупой белорусской толпы, объединившей и правителей, и народ.

Гусовский — сын лесника и зверолова. С детства отец учил его метать копьё, скакать на лошади, переплывать верхом "реки лесные, Днепра полноводного стрежень." Он овладел искусством охотника, однако признается: "Я бы, конечно, охотно остался в сторонке, но отставать от друзей на охоте считалось позором." В этом признании — ключ к пониманию позиции поэта. С восхищением описывая зубра, он отстраненно передает сцены охоты:

**Много я видел, но больше всего поражался
Зверя прыжками — о, это разящая ярость!
Ищет виновных, кто ранил его, великана.
В два-три прыжка настигает беспечную жертву,
Страшным рывком поднимает на воздух, пронзает,
А недобитого, будь это конь иль наездник,
Давит, рогами подбросит и рвет беспощадно.
Кровь леденеет при виде жестокой расправы.**

Через четыреста лет некий молодой человек, наблюдая на стадионе подобную расправу, почувствует, как собственная кровь закипает от ... счастья, — и целенаправленное убийство быка назовет "поэмой быка". Его звали Эрнест Хемингуэй. Он блестяще опишет корриду как зеркало испанского менталитета, допускающего убийство быка ради развлечения. Однако "Фиеста" Хемингуэя — это, по-моему, то, что блестит, не согревая. От этого солнца не позеленеют в листьях зерна хлорофилла — и не начнут бесконечную цепочку жизни.

Все, чем занимается человек, он готов довести до совершенства, до поэтического обоснования. В том числе убийство. Но сие не значит, что все то, что совершенно, — гуманно. Заменив жуткий бой гладиаторов красиво обставленным боем быков, человек продвинулся на пути лицемерия. Он не желает признать, что матадор-циркач, эффектно закалывающий быка шпагой, — убийца. Так считал Николай Гусовский, наблюдавший белорусскую корриду. Так нынче считает Грин-пис (зеленый мир). Гуманизм Гусовского — современной пробы.

На зубра охотились ради мяса войску, но главным образом — для тренировки и соревнования воинов, для развлечений князей. Доблестью считалось поймать зубра живым, доставить в лагерь, выпустить, на глазах у правителя заколоть копьями. Коронованные особы любили наблюдать убийство зубра в естественных условиях. В пуще на толстых столбах устраивались помосты, там князья и их жены переживали "поэму зубра".

**Зубр-великан, кровотопа развершейся раной,
Остановился, тряся головой, и заметил
Яркость одежд на помосте. Уставился тупо,
Будто с трудом узнавал там отдельные лица.
Смертью моей любоваться сошлись! Погодите ж,
Я покажу вам убийство, века будут помнить!
И зарыкал, раздувая мясистые ноздри.
Прыгнул, ударил рогами и выбил подпору.
Мост покачнулся, повиснув на трех основаньях.
Если б, по воле судеб, он ударил вторично,
Рухнуло б все, и какую обильною кровью
Почва бы там оросилась, рога обагрились —
Оцепеневшею в ужасе мыслью не смею представить!**

Сцены охоты Гусовский перемежает рассказами о прошлом родины, поет хвалу сто лет назад ушедшему в мир иной князю Витовту (только ему одному из всех правителей ВКЛ), с болью говорит о междоусобных войнах князей-современников. Получив от папы римского заказ описать зубра, автор не скрывает, что "играет в оттяжку". Зубр для него — символ, связующий прошлое и будущее. Охота на зубра ассоциируется с постоянной войной. Убиение зубра — убиение родной страны.

**Хватит убийств! Возбужденная совесть и разум
Властно велют мне тревогу поднять, ополчиться
Против разбоя...
О пресвятая, пречистая дева Мария!
Внемли мольбам нашим и заступись за несчастных!
Князьям возврати здравомыслия трезвость,
Чтобы осмыслили долг свой, преступно забытый.**

**Все они в этом безумном, разнузданном мире
Лишь на словах миротворцы, а волки на деле.
Нам не дожидаться, пока к ним придет протрезвление...**

ЗУБР ЕВРОПЕЙСКИЙ в дохристианские времена был привычен для Европы, богатой широколиственными и смешанными лесами. Этот гигант — вегетарианец. Специалисты утверждают, он ровесник мамонта. А мамонт — современник человека каменного века. Если бы не оледенение, мамонт, возможно, не исчез бы, человек-охотник не смог бы истребить его каменным топором и примитивным копьем. А так бедный мамонт не перенес холод — и вымер.

Человек не только адаптировался к холоду и выжил, но и поумнел, изобрел железный топор, сконструировал лук и ружье — и сделался коварным, хитрым, безжалостным, безумным. К девятому-десятому векам он полностью истребил зубра в юго-западной Европе (примерно в той зоне, где сейчас быков убивают на арене, и я думаю, что это совпадение не случайно).

Если бы современник Николая Гусовского, просвещенный папа Лев X был склонен к путешествиям, как нынешний наследователь Ватикана, тоже ценитель искусств, поляк по рождению, папа Иоанн Павел II, то он еще мог бы полюбоваться живым зубром (не чучелом) в соседней Франции либо чуть дальше — в Германии, Румынии, Венгрии. Жаль папу: не поехал, не увидел чудо природы.

Жаль и чудо — оно к девятнадцатому веку сделалось в европейских лесах редкостью. К началу века двадцатого зубры жили в природе только в Беловежской Пуще (1914 год — 727 голов) и на Северном Кавказе. В 1919 году люди убили последнего беловежского зубра, в 1927 — кавказского. На земле не осталось ни одного вольного, не зависимого от человека зубра.

Мамонта истребила дикая природа, зубра истребила ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА, дикость которой не имеет рамок. Понимая это разумом, чувствуя сердцем, Николай Гусовский воскликнул:

**Дева Мария!..
Раб твой смиренный, к тебе обращаюсь с мольбою,
Хоть и не знаю, где молвить и где помолчать бы.
Вот умолкаю и чувствую — ты же достойна,
Чтоб голосами всех тварей земных и созданий
Мир зазвенел и молитвенно пел тебе славу.**

Слышны отчаяние, протест, прозрение. Человек религиозный, Гусовский и боготворит, и приземляет деву Марию до забот о "всех тварях земных", вместе с которыми он намерен молиться. Он ставит человека и тварей на одну ступень мироздания. Если твари умолкнут и мир перестанет звенеть, то к чему одинокая молитва человека? Обедненный мир обрушит в темноту душу человека. Не помогут ни образование, ни культура.

Увидев во время чумы в Риме языческое жертвоприношение быка, Гусовский был поражен дисгармонией передового общества. В колыбели Возрождения он не надеялся увидеть дикость, от которой страдал на родине. Пожив в Италии пять лет, изучив ее богатую культуру, пообщавшись в высшем свете, он впитал в себя светлые идеи времени, встал на европейский уровень — и испытал разочарование. Начал писать стихи, осуждающие итальянские порядки.

Гуманизм Гусовского был максималистским, перерастал "ренессансные штанишки" Европы. Рискну предположить, что Европа уже тогда не любила заезжих "выскочек", намеренно не воздала должное успехам литвина, вытолкнула на свои задворки. Его гениальный земляк-современник Франциск Скорина был более рациональным, предприимчивым человеком, нашел общий язык с Европой, использовал ее благосклонность для родины и для себя лично.

Предполагают, что Гусовский читал книги, изданные Скориной. А читал ли Скорина "Песнь" Гусовского? Скорее — нет, хотя они могли встретиться и в Вильно, и в Кракове, и в Италии. Если бы встретились, Скорина по достоинству оценил бы поэму Гусовского, издал бы ее со своим предисловием.

Беларусь родила двух братьев по духу, но не собрала их вместе под своим крылом, бросила на произвол судьбы, как плохая мать. Давнее можно простить: в шестнадцатом веке Беларусь матерью себя не осознавала.

Николая Гусовского вытолкнула из Европы дисгармония Возрождения. В "золотом времени" он подмечал идеальное и мерзкое в одном сосуде. Не могу представить Гусовского в задушевной беседе, скажем, с современником Бенвенуто Челлини, знаменитым скульптором и ювелиром. На склоне лет он сочинил автобиографическую книгу "Жизнь Бенвенуто Челлини", которую признают литературным шедевром Возрождения. Почитаем отсюда:

"Я взялся за маленький колючий кинжальчик и, разорвав цепь его молодцов, обхватил его за грудь с такой быстротой и спокойствием духа, что никто из сказанных не успел заступиться. Когда я потянул его, чтобы ударить в лицо, страх заставил его отвернуться, так что я уколол его под самое ухо; и

сюда я подтвердил всего лишь два удара, как на втором он выпал у меня из рук мертвым...”

Разобравшись с недругом, убийца Челлини приступил выражать свое “Я” в ювелирном искусстве, характерном для Возрождения.

Прославился Челлини и как ваятель. С самолюбованием и бахвальством он описывает творческий процесс:

“Я за ней посылал и лепил ее; каждый день я ей давал по тридцать сольдо; и так как я заставлял ее оставаться голой, то она требовала, во-первых, чтобы я платил ей деньги вперед; во-вторых, она требовала очень хороший завтрак; в-третьих, я из мести имел с нею общение, попрекая ее и мужа теми разными рогами, которые я ему учинял; в-четвертых, я держал ее в очень неудобном положении по многу; и быть в этом неудобном положении ей очень надоедало, настолько же, насколько мне это нравилось, потому что она была прекрасно сложена и приносила мне превеликую честь...”

Это — не юморист Боккаччо, а средневековый истязатель. Когда натурщица не выдерживала и начинала протестовать, скульптор поступал круто: “Отдавшись в добычу гневу, я схватил ее за волосы и таскал ее по комнате, колотя ее ногами и кулаками, пока не устал.”

Однако художественная фигура еще не была закончена. Ваятель вновь пригласил ту же натурщицу: “Я дал ей хорошенько закусить и поел с ней в знак мира. Затем принялся ее лепить, и тем временем у нас случились плотские улады, а затем, в тот же самый час, что и в прошедший день, она до того меня разбередила, что мне пришлось надавать ей таких же самых колотушек, и так мы продолжали несколько дней...”

А затем скульптор отлил фигуру многократно униженной натурщицы в бронзу, выставил на обозрение — и зрители восхищались. Среди зрителей мог быть Николай Гусовский, но он не пришел. Я уверен, что не пришел. Он ценил себя высоко, как ценили себя все художники Возрождения. Раскрепощенность и свободу собственной личности они ставили превыше всего. Иные (Челлини) “раскрепощались” до убийц, циников. Живой человек как цель Возрождения превращался в ничто.

Человек остался ценностью лишь в бронзе. Холодный. Не выдвигающий передовых идей. Мертвый человек — прекрасен. Божественна инквизиция. Назидателен костер, в котором горит Джордано Бруно и за который папа римский решил попросить прощения у цивилизации и культуры лишь в конце двадцатого века.

Гусовский жил в Италии на исходе Возрождения. Он заметил кризис гуманистического миропонимания. Цельного человека создать не удалось.

Нужно было существовать в реальном мире, в нем искать надежду. Надежду поэт издалека видел на родной земле, где все твари земные ему равня. Не найдя понимания в культурной среде, поэт возвращается в природу-родину:

**Что ж убиваться и сетовать нам? Понимаем:
Лес бессловесен, так пусть же услышится голос
Гуссовиана о наших могучих животных!**

О, Гуссовиане! Природа одарила тебя поэтическими фантазиями и гражданским мужеством, но ты не смог бы представить, что через пятьсот лет на твоей родине зубра превратят в ... мышь.

2000

www.kamunikat.org